

A blue bus is shown from a rear three-quarter view, driving on a snow-covered road. The scene is set in winter, with snow falling from the sky and a pine tree on the right side of the road. The bus has a white stripe along its side and is reflecting the surrounding environment. The overall atmosphere is serene and wintry.

12+

Андрей Толстой

Бывайте!

Андрей Толстой

Бывайте!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57891799

SelfPub; 2021

Аннотация

Лёгкий юмористический рассказ о том, что из самой сложной ситуации всегда можно найти выход, который изменит жизнь к лучшему.

Андрей Толстой Бывайте!

Предисловие

Солнечный свет серебрит сугробы,
Сваливаясь, создавая салют свежести.
Сыпется соль, соткав сизый саван.
Струится, скользит, спит снежный север.
Скромный старик со своею скупой старухой
Смело ставит стакан самогона,
Сопьётся, съест сытный сырок.
Сердце спокойно, сопит самовар,
Седлая скатерть-самобранку,
Свистнет свирель, собака скулит,
Сослепу спутав соседа.
Спичка – свеча скучно сгорела.
Слезами сосулька скорбит.
Старый солдат-сослуживец сюсюкает сына.
Скульптор – сиреневый снег созидает снопы.
Стая сорок, соревнуясь, снуёт, словно скачки.
Студент собирался спугнуть своим сапогом.
Спит снеговик слегка смущённый,
Снятся сладкие свиданья со Снегуркой.

Слабый скрипач – священный сорняк,
Слуга стройных струнных сонат.
Скиталец – сражѐнный снегирь
Сообщает сценарий спектакля.
Скучная сказка сибирских сокровищ,
Строки свинцовых стихов.
Слова собираются сами сквозь сарафан созерцаний.
Свершить собирается счѐты святая Зима.

Зима в селе – это удивительной красоты сказочный мир. Снег на деревьях и домах всегда украшает вид, но основные декорации, конечно, делают сугробы. Сугробы создают чувство мягкости во всѐм окружающем пространстве. А есть величественные, монументальные сугробы, смотреть приятно, сколько вокруг пушистой чистоты!

Грунтовые дороги и дороги, засыпанные щебнем, укатываются снегом и превращаются в ровные, гладкие и становятся лучше асфальтовых. В давние времена именно зима была лучшим временем для торговли и путешествий. Реки замѐрзнут, и можно, не дожидаясь переправы, свободно ехать куда хочешь. Сочетание слов «свободно» и «ехать» даёт головокружительный эффект. Зимой в селе работы меньше, и можно себе позволить куда-нибудь отправиться. Но наш герой был человек особого уклада жизни, он никуда не ездил. Прошло сорок пять лет, как он устроился баянистом в сельском клубе, и для него зима, точнее, череда зимних праздни-

ков, была временем большой работы. Справедливости ради нужно отметить, что работа для Юрия Григорьевича была не только заработком, но прежде всего источником творчества, самовыражения и той самой свободы, которую ищет каждый романтик, даже если ему шестьдесят пять лет. Энергичный, фанатично преданный своему делу, в тот день, впрочем, как всегда, Юрий Григорьевич с радостью шёл в сельский клуб. А тут ещё зимнее солнце блистало фейерверками искр на сугробах и мороз не велик. Воздух колкий, нос щекочет, а дышать легко, и пахнет декабрём.

– Хорошо то как! – радовался Юрий Григорьевич. – Не помереть бы!

Он всегда боялся помереть, когда чувствовал себя счастливым. Ему казалось, что быть счастливым ему, такому маленькому человеку, просто непозволительно. А если ангелы небесные придут по его душу, а он тут счастливый, что они скажут?

– Так вот что ты за человек, Юрий Григорьевич, мы за тобой, а ты уж и позабыл про нас? – упрекнул его серафимы. – Значит, не нужно тебе царство небесное, ты и тут достаточно счастлив? – обидятся и улетят восвояси.

«Нет, счастливым быть страшно, – думал Юрий Григорьевич. – То ли дело быть свободным! Работаешь себе от зари до зари, на радость людям, себе на увлеченье да на кусок хлеба».

Такая нехитрая философия давала ему уверенность, что

он всё в жизни делает правильно, что даже ангелам его не в чем упрекнуть, а это для человека немало значит. Он был человеком, уверенным в себе и в завтрашнем дне.

Сегодня была репетиция хора «Журавушка», и все уже собрались. Юрию Григорьевичу нравилось репетировать с этим коллективом потому, что все участницы хора были намного старше его. И, конечно, баянист был единственным мужчиной в этой клумбе очаровательных дам. Про себя он называл их «Тысяча лет на восьмерых», имея в виду сумму их возрастов.

Они вышли на сцену и пели, не глядя в зал. Пустые кресла в зрительном зале как-то сковывали артистов, строго глядя и слушая их выступление. Куда приятнее было видеть зал, заполненный людьми, которые ровными рядами сидели в этих креслах. Хор спел «Пчёлочку золотую», «Верила, верю», потом что-то ещё, но репетиция была остановлена. Из-за кулис показалась замдиректора по хозяйности Шлякова, которую за глаза называли Шапокляковой за её страсть делать людям гадости.

– К директору, – сказала Шлякова, глядя на Юрия Григорьевича. Потом перевела взгляд на хор искомандовала: – Домой.

Дамы стали медленно расходиться, Юрий Григорьевич отложил гармошку и привычным жестом, высоко подняв кепку, попрощался с «Журавушками».

– Ну, бывайте!

Не скрывая досады от прерванной репетиции, ведь нужно было ещё столько повторить, он отправился к директору.

В кабинете директора было очень светло и пыльно. Выгоревшие обои и афиши прошлых лет скрывали под собой ещё более выгоревшие обои и афиши совсем давно прошедших лет. В кресле сидел человек, который, уже будучи на пенсии, младенцами нянчил каждую из «Журавушек». За столом сидела мумия человека, который видел ещё первые обои своего кабинета, уже находясь в таком засушенном состоянии. Юрию Григорьевичу даже показалось, что от кресла директора до его плеч тянулась густая паутина.

– Оптимизация, – прозвучал хриплый голос директора. – Бумага пришла, сокращают штаты. Я принял решение сократить, то есть уволить тебя.

Юрий Григорьевич настолько был поражён услышанным, что начал что-то говорить невпопад, чтобы потянуть время и собраться с мыслями. Но собраться с мыслями не удавалось, так как ему мешал собственный голос.

– Как же так? Я же всю жизнь работал как белка в колесе, а тут сокращение! – тараторил он беспомощно. – И почему я? Почему меня?

– Ну как почему, – ответил директор. – Во-первых, я принял решение, а во-вторых, давай будем откровенными, ты стал уже совсем старей.

Эти слова прозвучали как приговор. Юрий Григорьевич не помнил, как вышел от директора, забрал гармошку и по-

брёл в сторону дома, не находя сил дышать глубоко. Оторопь сковала его мысли, и горькая обида расплылась чёрной краской в душе. Он опомнился, когда уже шёл по улице, мороз студил его распахнутую грудь.

– Как же так? – спросил он себя в растерянности. – Новогодние праздники на носу, детские ёлки, а клуб без гармониста. Наверное, включают фонограмму.

Он прошел ещё несколько дворов.

– А где же теперь репетировать? – спросил он снова, и молния осознания поразила его туманную голову. Всё кончено. Не с кем и незачем теперь репетировать. Он больше не увидит публику, сидящую в креслах ровными рядами. Не будет выступать на сцене, где он был так счастлив, точнее свободен. Да что там греха таить – свободен и счастлив одновременно. А теперь всё, кончилось его счастье быть свободным человеком. На некоторое время ему показалось, что мир вокруг стал чёрно-белым.

– Григорич! – услышал он недалеко. – Григорич, здравствуй, дорогой! Ты не подумай, я бы и не спрашивал, но вот тебя увидел, и дай, думаю, спрошу.

Перед Юрием Григорьевичем стоял Алексеев, друг детства, да и всей жизни.

– Ты же у меня до зарплаты занимал, так уже больше месяца прошло, или не платят больше артистам, а?

Они обнялись. Юрий Григорьевич и правда забыл вернуть долг, но лишь потому, что денежные вопросы его всегда ин-

тересовали в последнюю очередь. Теперь же он ещё острее почувствовал боль сегодняшнего увольнения, потому что отдавать долг было нечем. Пришлось рассказать, что его уволили, но он обязательно отдаст, как только сможет. Алексеев пригорюнился, так как собирался в субботу идти на день рождения к внучке и рассчитывал купить подарок в ближайшие дни.

– Да, Григорич, – с упрёком начал Алексеев. – А ведь я же тебе предлагал прошлой весной идти к нам в контору сторожем. Там не сокращают, был бы при деньгах. Сутки через трое – мечта, а не работа. Такую должность прозевал! И что ты будешь делать со своей гармошкой, милостыню просить пойдёшь?

– Ну хватит, – грубо перебил его Юрий Григорьевич. – И так тошно, ты ещё. Сказал отдам – значит отдам, – оборвал разговор и пошёл своей дорогой.

– Так ты и месяц назад говорил, что отдашь с зарплаты, а уже больше месяца прошло, – обиженно ворчал Алексеев в спину товарищу.

Ссора с другом добавила масла в огонь. Юрий Григорьевич зашагал быстрее и не заметил, как его настроение из пассивного отчаяния переросло в деятельную раздражительность, а потом и в злобу. В голове вертелись слова директора о том, что он стал старым, упрёки Алексеева, долг и эта саркастическая фраза «милостыню просить пойдёшь». В таком настроении Юрию Григорьевичу стало тяжело оставать-

ся наедине с собой. Недалеко была автостанция, там всегда былолюдно, и он решил отправиться туда, чтобы просто побыть среди людей.

На автостанции людей почти не оказалось, бегали собаки, и лавочки были засыпаны снегом, так что и посидеть было не на чем. Юрий Григорьевич, чтоб отвлечься от своих мыслей, стал просто смотреть на прибывший автобус. На здании автовокзала висел рупор, который женским голосом объявил.

– Прибыл транзитный автобус Ставрополь – Ростов-на-Дону. Стоянка автобуса пять минут.

Водитель вышел из автобуса и крикнул в сторону рупора: – Какие пять минут, там дорогу замело, и так опаздываем, ехать надо! – взяв под мышку пачку документов, он побежал отмечаться в диспетчерскую.

В автобус зашла пухлая студентка с сумками. Усевшись у окна, сразу достала варёную курицу и с аппетитом принялась завтракать. Юрий Григорьевич, переполненный событиями сегодняшнего утра, смотрел на жующую землячку.

«Вот молодец девка! – подумал он. – Вокруг хоть война, а у неё завтрак, – но понял, что война-то как раз в его голове. – А я что? – взбодрился он. – Неужто не молодец? Неужто я перестал быть артистом из-за того только, что меня уволили? Или я постарел от того, что директор мне об этом сказал? Нет! Я им докажу, я всю жизнь работал! Я настоящий артист!»

С такими мыслями Юрий Григорьевич вбежал в автобус

и растянул меха гармошки.

– Дорогие пассажиры! – обратился он громко. – Прослушайте песню в исполнении заслуженного работника культуры.

В это время рупор на здании автовокзала тем же женским голосом объявил:

– Отправляется транзитный автобус Ставрополь – Ростов-на-Дону. Пассажирам просьба занять свои места, сейчас уже водитель придёт, и поедете, ну с Богом, в добрый час.

Водитель, действительно, вышел из здания автовокзала и направился к автобусу. Юрий Георгиевич запел:

*– Когда б имел золотые горы
и реки, полные вина.*

Водитель сел за руль и объявил:

– Всё, дед, выходи.

Но в ответ звучала лишь песня:

*– Всё отдал бы за ласки, взоры,
чтоб ты владела мной одна.*

*Всё отдал бы за ласки, взоры,
чтоб ты владела мной одна.*

Водитель сказал громче и настойчивее:

– Всё, дед, ехать надо, выходи.

Но разве мог в такую минуту Юрий Григорьевич прервать песню и выйти? Ведь перед ним сидела публика, ровными рядами, как в креслах сельского клуба. Ведь он снова был на сцене и своей песней доказывал директору, Алексееву, самому себе и всему миру, что он всё ещё артист, да ещё какой! Он был полон решимости во что бы то ни стало допеть песню до конца – и непременно все куплеты.

*– Не упрекай ты справедливо,
скажи всю правду ты отцу,*

– пел он, упоённый своим триумфом.

Но водитель автобуса тоже был не робким и уже начал раздражаться.

– Я что-то не ясно сказал? – начал он грубо. – Я уезжаю, выходи.

*– Тогда свободно и счастливо
с молитвой мы пойдём к венцу,*

– последовал музыкальный ответ.

Юрий Григорьевич делал вид, что вовсе не замечает никого вокруг, погрузившись в исполнение песни.

«Песня то длинная, – думал он. – И хорошо, что я знаю так много куплетов, ведь чем длиннее песня, тем громче аплодисменты».

Но следующие несколько куплетов не были услышаны никем, потому, что водитель постоянно перебивал, выкрикивая про опоздание по графику и снег на трассе. В ответ все следующие призывы покинуть автобус также не были услышаны.

Настроение водителя ухудшалось стремительно, и он уже перешёл на нецензурную брань.

В «партере» автобуса сидела дама интеллигентного вида, которой, видимо, не хотелось слушать грубости, и она тоже принялась уговаривать гармониста покинуть автобус. К ней присоединились и некоторые другие пассажиры даже с галёрки. Вдобавок ко всему сзади к автобусу подъехал другой автобус, который должен был стать на том же перроне, и начал сигналить, требуя уступить ему место. И, конечно, рупор на здании автовокзала приказывал водителю освободить стоянку. А гармонист продолжал петь, водитель ругаться, но от этого шума ничего не менялось, только проснулся огромный мужик в тельняшке, спавший всё это время сном ребёнка. И тут в ход пошли угрозы.

– Выходи, а то я тебя выброшу! – заревел водитель.

– Я тебя сейчас сам выброшу, – вмешался мужик в тельняшке, не понимавший пока, в чём дело. – Оставь старика, может, он ветеран.

Водитель понял, что с этим пассажиром лучше не ссориться, и стал оправдываться:

– Да мы по графику опаздываем, а там ещё и снег на трас-

се.

Но мужик в тельняшке не стал вникать в детали и выдал своё решение:

– Пой, отец, никого не слушай.

Тут уже не выдержала интеллигентная дама.

– Да что же это такое! – стала она возмущаться во весь голос. – Мы сегодня вообще никуда не уедем? И так плетёмся еле-еле, а нам ещё полпути.

Её поддержали пассажиры, в автобусе поднялся шум, но мужик в тельняшке не сдавался.

– Пусть поёт, душевно, уважаю, – чеканил он свои аргументы.

И Юрий Григорьевич пел, закрыв глаза от восторга.

*– Отец не понял моей муки
жестоким сердцу дал отказ.*

Примерно в середине салона автобуса сидел человек в чёрном пальто и чёрной шляпе со скрипичным футляром в руках. Он всё время молчал, но теперь произнёс.

– Граждане, давайте скинемся, дадим ему денег, он оставит нас в покое, и мы продолжим путешествие.

Интеллигентного вида дама подхватила инициативу.

– И правда, давайте скинемся, заодно доброе дело сделаем человеку.

С ней согласились другие, полезли за кошельками и по

карманам. Но водитель уже не мог терпеть.

– Да мне ехать надо, полиция! – заорал он, покраснев от возмущения.

Стоявший сзади автобус продолжал сигналить и моргать фарами. А Юрий Григорьевич пел, аккомпанируя себе только одной рукой. Во второй руке теперь он держал кепку и медленно шел по салону. Честно говоря, заходя в автобус, он и не думал о деньгах, так как денежные вопросы всегда интересовали его в последнюю очередь. И даже теперь, когда пассажиры сыпали монеты и клали мелкие купюры в его кепку, он принял это как желание публики. Как часть некоего представления. Быть может, он принял это как аплодисменты и оттого расплылся в улыбке торжества.

Подойдя к человеку со скрипкой, Юрий Григорьевич будто пригласил его поучаствовать в этом представлении и поинтересовался.

– Коллега, подашь заслуженному работнику культуры?

– Как же я тебе подам? – равнодушно ответил скрипач. – Ты же в аккомпанементе ошибки допускаешь, доминанту с субдоминантой путаешь.

Юрий Григорьевич аккуратно надел кепку с деньгами на голову и направился к выходу. Это обрадовало водителя, и он злорадствовал.

– Ну что, закончились твои куплеты?

– Да за такой гонорар я и на бис могу что-нибудь исполнить, – ответил довольный гармонист. В автобусе опять под-

нялся шум.

– Хватит с нас, прощайте, будь здоров, дед! – выкрикивали пассажиры.

И Юрий Григорьевич привычным жестом, высоко подняв кепку, салютовал.

– Ну, бывайте!

Деньги разлетелись по всему автобусу, и всем стало ясно, что это ещё не конец. Охая и вздыхая, артист держал одной рукой гармошку, а второй стал собирать с пола заработок, поэтому, пришлось ползать на коленях. Монеты раскатились далеко, пассажиры тоже стали собирать их и повторно подавать музыканту. Некоторые, собрав монеты с пола, решили, что, раз уж благотворительность не спасла ситуацию, можно вернуть деньги обратно себе в карман. И скоро бы закончиться этой истории, но у входной двери автобуса появился необъятно толстый полицейский, жующий горячий чебурек в промасленной бумаге.

– Что тут происходит? – абсолютно равнодушно спросил полицейский и с чувством выполненного долга собрался уходить. Кому-то могло показаться, что долг был выполнен не вполне, но сержант полиции так не считал. Во-первых, он был вынужден выйти из дежурной комнаты, чуть было не прервав свой второй завтрак. А во-вторых, услуга по беспокойству о порядке населению была оказана суровой фразой «что тут происходит».

Раздражённый водитель рявкнул в ответ.

– Зайдите посмотрите, что происходит! Развели тут нищету у себя на участке!

Такой дерзкий ответ возмутил полицейского и был понят им как хамство. И ладно бы нахамили какому-нибудь ефрейтору, а то ведь ему, целому сержанту, который уж два года как не ефрейтор.

– Ничего я не разводил! – сразу начал он грубо. – У нас уровень доходов населения постоянно растёт, вы что, телевизор не смотрите? А за клевету на власть вы можете быть задержаны.

– Да я и так задержан, – возмутился водитель. – А там снег на трассе.

– Разберёмся, – угрожающе перебил сержант. – Кто задержан, кого задержали. Посидишь пятнадцать суток – заговоришь по-другому. Провожающие, покиньте автобус.

Водитель был шокирован таким поворотом событий и решил, что называется, стать в позу.

– А тут нет провожающих! Мы, так сказать, всем миром помогаем человеку, попавшему в беду. Играй, дедуля, играй!

Юрий Григорьевич не слышал разговора с полицейским и решил, что, раз сам водитель теперь просит его поиграть, отказывать не стоит, и заиграл. Сержант протиснулся в двери автобуса, увидел музыканта и приказал ему:

– Мужчина, покиньте автобус.

На что мужик в тельняшке всё-таки возразил:

– Погоди, командир, может мы человеку жизнь спасаем.

Для полицейского ситуация стала слишком сложной, и он боялся в ней запутаться.

– Так я не понял, какие ко мне вопросы?

Интеллигентного вида дама поняла, что нужно срочно рубить этот гордиев узел, иначе конфликту не будет конца.

– Господин офицер, нас всех вообще всё устраивает!

Полицейскому понравилось, что его называли офицером, что ситуация разрешилась сама собой и что чебурек не совсем остыл.

– То-то, – сказал он спокойно. – А то, что всем миром помогаете, это правильно. Ладно, разбирайтесь.

Сержант вышел из автобуса, думая, как приятно всё-таки быть профессионалом.

Вслед за ним собрался выходить Юрий Григорьевич. Деньги собраны, кепка надета, но его схватил за руку мужик в тельняшке.

– погоди, – сказал он загадочно. – А ты вот эту песню знаешь?

Мужик закрыл глаза, пытаясь вспомнить мелодию. Стал морщить лоб, поднимать брови и мотать головой. Все понимали, что с мужиком в тельняшке спорить бесполезно. В автобусе повисла напряжённая пауза. Наконец мужик разочарованно замычал, и у него изо рта выпало слово:

– Забыл.

Все пассажиры облегчённо вздохнули, Юрий Григорьевич вышел из автобуса, и за ним тут же закрылась дверь. Автобус

стал отъезжать, рупор на здании автовокзала объявил:

– Отправляется транзитный автобус Ставрополь – Ростов-на-Дону. Лидочка, как приедешь, сразу же позвони тебе Лене.

Пухлая студентка, сидевшая у окна, кивнула и махнула на прощанье костью куриной ноги.

Взволнованный таким приключением Юрий Григорьевич тоже хотел помахать ей и всему автобусу кепкой, но вовремя вспомнил, что там деньги, и помахал рукой. А от взмаха руки потерял равновесие, поскользнулся и рухнул в сугроб, снова рассыпав свой гонорар.

Наш герой лежал в сугробе, осыпанный монетами и мелкими купюрами. Он смотрел в голубое небо, дышал морозным воздухом и был настолько счастлив, что не стыдился даже ангелов небесных.

– Вот оно как! – бормотал он с улыбкой. – А ведь я всю жизнь работал как белка в колесе, а тут сокращение!

КОНЕЦ

В оформлении обложки использована фотография автора LeManna "bus on winter road through coniferous forest" с <https://www.shutterstock.com/>